

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОСХЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА ОПОРНОГО КОМПОНЕНТА

Рассматривается классификация фразеосинтаксических схем испанского языка на основе лексико-грамматического статуса опорного компонента. Фразеосхемы подвергаются комплексному анализу в структурно-семантическом, этимологическом, парадигматическом, синтагматическом и фразеологическом аспектах.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; синтаксическая фразеологическая единица; фразеосинтаксическая схема; опорный компонент; типология.

Синтаксические фразеологические единицы (СФЕ) представляют собой коммуникативные единицы языка, которые характеризуются такими интегральными признаками, как воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность, идиоматичность, экспрессивность, а также дифференциальными признаками, такими как количество единиц, особенности их структурно-семантической организации, модели построения, механизм и степень фразеологизации и т.д.

Фразеосинтаксические схемы являются одним из наиболее специфических классов СФЕ, поэтому представляют значительный интерес для лингвистов.

В современных лингвистических исследованиях по испанскому языку пока не выявлены единые критерии для определения природы и статуса фразеосхем, отсутствует их типология. В этой связи данная работа опирается на отечественную традицию описания синтаксических фразеологизмов.

Фразеосхема представляет собой коммуникативную предикативную единицу синтаксиса, является определяемой и воспроизводимой несвободной синтаксической схемой, которая характеризуется наличием диктумной и модусной пропозиций, обладает грамматической и лексической нечленимостью, непроницаемостью, нераспространяемостью и выполняет в речи эстетическую функцию [1. С. 56].

Синтаксическая схема таких построений всегда однокомпонентна и включает в свой состав два типа обязательных компонентов: неизменяемый (опорный) и изменяемый.

Обязательный неизменяемый компонент представляет собой в определенной степени десемантизированную лексему или сочетание лексем. Он является «застывшей формой, оторвавшейся от парадигмы соответствующего слова и, в той или иной степени, утратившей свои лексические и категориальные значения» [2. С. 94]. Обязательный изменяемый компонент может иметь нулевую или дефектную лексико-грамматическую и морфологическую парадигмы, а также, как правило, полную лексическую. Наличие обязательных неизменяемого и изменяемого компонентов в структуре фразеосхемы позволяет квалифицировать ее значение как синтаксическое, а сами модели – как фразеосинтаксические. Причем «фразеологичность» значения является общей для всех конкретных конструкций, образуемых по данной модели [3. С. 134–136].

Таким образом, эмоционально-оценочное значение подобных синтаксических построений продуцируется

не отдельными лексико-синтаксическими компонентами, а всей конструкцией в целом. Изъятие из состава фразеосхемы опорных компонентов полностью разрушает грамматическую и смысловую структуру предложения и изменяет его языковой статус.

Например: Según los cálculos de Vivian, eso debe de tardar un año, o sea que durante ese período no tengo adónde huir. ¿Acaso vale la pena huir? Acabo de llegar, aún no conozco nada. **¿Cuál es el problema de bailar siete noches a la semana?** Antes lo hacía por placer, ahora lo hago por dinero y por fama («Нет никакой проблемы в том, чтобы танцевать семь ночей в неделю + высокая степень уверенности, удивление и т.д.») /Paulo Coelho. Once minutos/.

По своим основным параметрам фразеосхемы неоднородны. Это обуславливает возможность построения разноаспектной типологии. Данная статья посвящена классификации фразеосхем, основанной на лексико-грамматическом статусе опорного компонента. При этом «говорить о лексико-грамматическом статусе обязательного опорного компонента в составе фразеосинтаксической схемы не корректно, так как лексические элементы, составляющие его, как правило, десемантизируются в лексическом и грамматическом аспектах. Поэтому подобный анализ приемлем лишь в этимологическом плане» [4. С. 213].

В современном испанском языке функционируют десятки фразеосхем с различными опорными компонентами, однако их типология отсутствует. Классификация фразеосхем по характеру опорного компонента разработана в русистике. Здесь фразеосхемы делят на восемь групп: фразеосхемы, опорный компонент которых выражен вопросительным наречием (*Как не знать Пушкина!*), местоименным наречием (*Ещё очки надел!*), полнозначенательным словом (*Нашёл время шутить!*), вопросительным и определительным местоимением (*Что за манеры! Какой ты помощник!*), частицей (*Вот так мастер!*), союзом (*Нет чтобы промолчать!*), междометием (*Ну и друг!*) и предлогом (*Праздник не в праздник!*).

В современном испанском языке по характеру лексико-грамматической отнесенности обязательного неизменяемого компонента нами выявлены три основных группы фразеосхем: с опорным компонентом, выраженным вопросительным словом (местоимением и наречием), полнозначенательным словом и союзом. Фразеосхемы каждой группы обладают своей спецификой.

Фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным вопросительным словом, представляют собой достаточно объемную группу. Это обусловлено специфической внутренней формы опорного компонента, в частности особенностями значения вопросительности.

Вопросительное значение характеризуется неопределенностью. Это вызвано тем, что в вопросительном предложении не содержится какого-либо утверждения или побуждения, а имеет место запрос информации в связи с ее недостатком. «Их семантическое своеобразие заключается именно в неопределенности каких-то компонентов содержания, почему различие между положительной и отрицательной формой здесь утрачивает свою актуальность» [5. С. 87]. Это является причиной различных функциональных и семантических трансформаций вопросительных предложений. «Незнание говорящим, существует ли какой-либо факт в реальной действительности, легко приводит к тому, что в силу семиоимпликации вопросительное утвердительное предложение легко приобретает значение повествовательного, отрицательного, выступая в качестве его “маски”. Такое его значение обязательно сопровождается дополнительными коннотациями эмоционального характера» [6. С. 94].

В качестве обязательного неизменяемого компонента фразеосхемы, выраженного вопросительным местоимением, выступают слова *qué* и *quién*: первое может быть как простым (*¡<Ni [y, pero, oh, eh, ay, uf, vamos, vaya]> Qué + N₁ [Adj, V finit, subj, Adv]!*), так и составным, сочетаясь с предлогами или союзами (*¡Qué de + N₁!; ¡No [y] qué [sino] no + V inf!; ¡Qué + N₁ + ni qué + N₁!; ¡Qué + V inf + ni qué + V inf!* и др.); второе употребляется только изолированно (*¡<Y [pero]> Quién + V finit, imp. de subj!*).

Наибольший интерес представляет фразеосхема *¡<Ni [y, pero, oh, eh, ay, uf, vamos, vaya]> Qué + N₁ [Adj, V finit, subj, Adv]!*, так как, во-первых, опорный компонент *qué* выступает изолированно, и, во-вторых, она способна выражать самые разнообразные типы значений:

1) «положительную оценку предмета речи в сочетании с одобрением, восхищением, похвалой и т.д.»: – *¡Qué chicas aquellas!* Dos hermanas gemelas de Savannah, (Georgia), rubias, monísimas y verdaderamente gallinas. Buen trabajo le costó a mi virtud salir incólume... («Это были замечательные девчонки + восхищение, одобрение, положительная оценка предмета речи и т.п.») /F. Bermúdez de Castro. Pasos sin huellas/;

2) «негативную оценку предмета речи в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением и т.п.»: – Gabriel, no hagas caso. Cuidado con que te desmandes, y mal distruido por esta pícara Condesa, vayas ahora a deshacerte en requiebros y desbaratarte en suspiros y fundirte en lágrimas. Los niños a la escuela. *¡Qué cosas tiene esta Amaranta!* («Амаранта плохо придумала + негодование, досада, негативное отношение к предмету речи и т.п.»). /B. Pérez Galdós. Cádiz/;

3) «высокую степень проявления чего-либо в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: El martes a las cinco de la mañana José Arcadio había tomado el café y soltado los perros, cuando Rebeca cerró la ventana y se agarró de la cabecera de la cama para

no caer. “Ahí lo traen”, suspiró. «*Qué hermoso está*» («Он красивый + высокая степень проявления предмета речи, удивление, восхищение и т.п.») /G.G. Márquez. Cien años de soledad/;

4) «отрицание в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – *¿Seguro? Bueno ¿qué es lo seguro?* Nada hay seguro en la vida. Y menos un empleo. Un funcionario puede quedar en la calle sino piensa como el Gobierno («Ничто на свете не надежно + высокая степень уверенности, неодобрение, сожаление, огорчение и т.п.») /P. Medio. Funcionario público/;

5) «утверждение в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – *¿Qué te importa lo que haya dicho mi hermano?... ¿Acaso no está contra mi novio?* Hací lo que te dé la gana... Yo me hago perdiz... («Тебе ведь все равно + высокая степень уверенности, неодобрение, порицание и т.п.») /E. Amorim. Corral Abierto/.

Данная фразеосхема является производной. В качестве ее производящей основы выступает вопросительная синтаксическая конструкция, о чем свидетельствует наличие в составе фразеосхемы слова *qué*, например: – *¿Qué tiempo hace hoy?* – Llueve, viento.; ср.: – *¡Qué tiempo hace hoy!* Llueve, viento («Плохая погода + разочарование, сожаление, досада и т.д.»).

В данной конструкции обязательным неизменяемым компонентом фразеосхемы является вопросительное слово *qué*, которое в системе языка выступает в качестве вопросительного местоимения и в словаре трактуется следующим образом: «кто, что, какой, который, что за, какой, каков» [7. С. 688].

Значение вопросительного местоимения *qué* в данной фразеосхеме частично деактуализировано в связи с утратой всей конструкцией значения вопросительности и ее трансформацией в конструкцию повествовательную (восклицательную) по цели высказывания. Однако слово *qué* сохраняет этимологические связи с классом слов, на основе которого оно было сформировано, о чем свидетельствует возможность восстановления производящей основы фразеосхемы, в составе которой оно функционирует в первичном вопросительном значении.

Обязательный неизменяемый компонент данной фразеосхемы может осложняться препозитивным факультативным элементом, который представляет собой неполнозначенательную часть речи, например, союз (*y, pero*), первообразное и производное междометие (*oh, eh, ay, uf, vamos, vaya*), отрицательную частицу (*ni*): 1) ...Encuentro a mi padrino mas viejo de lo que yo me figuraba. *¡Pero qué chispo en aquel rostro, qué ojos de lince, y que gracia de dicción la suya!* («Живое лицо, проницательный взгляд, большое остроумие + высокая степень проявления предмета речи, восхищение, удивление, одобрение, похвала и т.п.»). /B. Pérez Galdós. La incógnita/; 2) – *¡Ni qué yo estuviera loco!* («Я не сумасшедший + раздражение, возмущение, досада, негативное отношение к предмету речи и т.п.») [8. С. 501]. Частица *ni* может употребляться в предложении в тех случаях, когда отсутствует частица *no*. «В этих случаях *ni* имеет не только отрицательное, но и усилительное значение» [9. С. 273]. В целом факультативные элементы неизменяемого компонента используются для усиления эмоционально-экспрессивного значения фразеосхемы.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы является частично морфологически и свободно лексически варьируемым. Он может быть выражен именем существительным (*N_i*), именем прилагательным (*Adj*), глаголом в личной форме (*V finit*), в форме сослагательного наклонения (*V subj*) или наречием (*Adv*), например: 1) – *A propósito, ¿sabe cuál es ahora la nota de escándalo en F...? ¡Qué leyes, señor, qué leyes! Es juzgado civil falló en favor de la viuda, la herencia pasa íntegra a sus manos* («Это плохие законы + возмущение, негодование, порицание и т.п.*/) /M. Azuela. *El desquite*/; 2) – *No se caliente la cabeza, señor... porque, de cavar, ¿qué sacamos?* («Нет никакого проку + высокая степень уверенности, разочарование, неодобрение и т.п.*/) /B. Pérez Galdós, *El abuelo*/.

Синтаксические отношения в составе данной фразеосхемы неактуальны, поэтому порядок следования компонентов неизменен. Как отмечает Н.Ю. Шведова, синтаксические отношения в подобных высказываниях «являются вполне современными, но лексические значения образующих сочетание слов ослаблены, “отодвинуты”» [10. С. 279].

Данная фразеосинтаксическая схема обладает признаками воспроизводимости, устойчивости, структурно-семантической целостности и идиоматичности. Рассмотрим каждый из этих признаков.

Свойство воспроизводимости описываемой фразеосхемы связано с тем, что она используется «в готовом виде с закрепленным составом и структурой» [11. С. 21].

Данная синтаксическая конструкция обладает структурно-семантической устойчивостью, которая проявляется в наличии двух обязательных компонентов – неизменяемого и изменяемого, в невозможности изменения порядка их следования, лексико-грамматического варьирования опорного компонента и морфологического варьирования изменяемого компонента, а также в наличии неизменного фразеосинтаксического значения (например: утверждения, отрицания, оценки и т.п.).

Структурная целостность конструкции проявляется в значительном ограничении распространения фразеосхемы и вставки каких-либо лексико-грамматических компонентов без изменения ее категориального значения. Изъятие какого-либо компонента из состава фразеосхемы невозможно без потери ее фразеосинтаксического значения. Семантическая целостность заключается в наличии общего фразеосинтаксического значения, которое присуще всей фразеосхеме в целом, а не отдельным ее компонентам.

Данная фразеосхема характеризуется также признаком идиоматичности, который подразумевает невыводимость общего значения фразеосхемы из значений компонентов, входящих в ее структуру. Определение признака идиоматичности основывается на соотношении формы и содержания языковой единицы, например: – *¿Qué gusto se le puede sacar a lo que dicen en l'opera? ¡Si cantan en italiano!... Y aunque cantaran en español, siempre se quedarían todos en la luna. Porque eso, pa mí, no es canto: lo que hacen es ladrar como perros apaliados* («Нет никакого удовольствия слушать оперу + высокая степень уверенности, неодобрение, сожаление, возмущение и т.п.*/) /C.L. Fallas. *Mi Madrina*/.

В данном случае невыводимыми являются следующие функционально-семантические и стилистические

компоненты плана содержания фразеосхемы: повествовательная функция (фразеосхема формально построена по модели вопросительного предложения); сема отрицания (предложение является утвердительным по форме); эмоционально-экспрессивные семы (неодобрения, порицания и т.д.), которые никак лексически не представлены; стилема (фразеосхема характеризуется разговорной окраской, а ее производящая вопросительная синтаксическая конструкция – нейтральной).

Рассмотрим фразеосхему с обязательным неизменяемым компонентом *qué ni qué*. Данная фразеосхема является немотивированной и имеет два структурных варианта: *¡Qué + Vinf + ni qué + Vinf!* и *¡Qué + N_i + ni qué + N_i!*.

Оба варианта фразеосхемы способны выражать лишь одно значение – «отрицание в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками», например: 1) – *¡Qué dinero ni qué altorja!* («Это не деньги + досада, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.*/); 2) – *¡Qué saber ni qué saber!* («Не знает + высокая степень уверенности, возмущение, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.*/).

Данная фразеосхема является немотивированной. Рассмотрим следующий пример: – *¡Qué saber ni qué saber!* («Не знает + высокая степень уверенности, возмущение, неодобрение, негативная оценка предмета речи и т.д.*/). Можно предположить, что данная фразеосхема, обязательный изменяемый компонент которой может быть представлен лишь глаголом в форме инфинитива, была образована при сочетании двух фразеосхем или вопросительных предложений – *¿Qué saber!* и – *Ni qué saber!*. Но и в первой, и во второй фразеосхеме глагол в форме инфинитива не может употребляться. В первой фразеосхеме в качестве обязательного изменяемого компонента используется глагол в личной форме или сослагательном наклонении. Во второй фразеосхеме изменяемый компонент может быть выражен глаголом в сослагательном наклонении. Таким образом, грамматическая организация фразеосхемы – *¡Qué saber ni qué saber!*, а также характер синтаксической связи двух ее частей не могут быть объяснены с точки зрения существующих норм грамматики. Установить истоки аграмматичности организации данной фразеосхемы не представляется возможным, что является доказательством ее непроизводности.

Рассмотрим другой пример: *Escaró por milagro de una ejecución sumaria acusado de ser un espía... – Qué espía ni que carajo – dijo Florentino Ariza, – yo no soy más que un pobre enamorado* («Не шпион + высокая степень проявления предмета речи, удивление, досада, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.*/) /G.G. Márquez. *El amor en los tiempos de cólera*/. Можно также допустить, что данная фразеосхема состоит из двух частей – *Que espía!* и – *Ni que carajo!* В первой части этого примера отсутствуют какие-либо признаки аграмматичности, т.е. она является объяснимой в позиции норм современной грамматики: – *Que espía!* («Не шпион + возмущение, досада, негативное отношение к предмету речи и т.п.*/). Таким образом, возможно частичное прямое прочтение данной конструкции. Тем не менее вторая часть, так же как и в

первом примере, является аграмматичной. Кроме того, нельзя проследить, каким образом два самостоятельных предложения стали частью новой фразеосхемы, в результате чего они утратили свое первоначальное значение. Следовательно, данная фразеосхема также является немотивированной.

Обязательный неизменяемый компонент в обоих вариантах фразеосхемы совпадает. Он выражен препозитивным вопросительным местоимением *qué*, отрицательным союзом *ni* в сочетании с постпозитивным вопросительным местоимением *que*. Значение неизменяемого компонента в составе фразеосхемы деактуализировано, т.е. этимологическая связь с его прямым значением не прослеживается.

Последний элемент обязательного неизменяемого компонента, выраженный вопросительным словом *qué*, в отдельных случаях может опускаться, что обусловлено стремлением языка к экономии, например: – No me lleves al niño... – ¡**Qué niño ni niñazo!** ¡Este es un hombre de pelo en pecho! No lo conocen («Он не ребенок + высокая степень уверенности, раздражение, ирония, досада и т.п.») /L. Gonzáles Zenteno. Los pampinos/.

Обязательный изменяемый компонент в первом варианте конструкции представлен именем существительным. При этом изменяемый компонент в первой и во второй частях фразеосхемы может быть выражен одним и тем же словом или разными словами. Во втором случае это, как правило, лексемы с негативной эмоционально-оценочной семантикой, а также табуированные слова, которые призваны повысить экспрессивность значения фразеосхемы в целом, например: 1) – Suerte tenés – soltó uno espiando la reacción de Moreyra. ¡**Qué suerte ni suerte!** No siás boliao, m'hijo – salto el que cebaba la cama? («He везет + высокая степень уверенности, возмущение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи и т.д.») /A. Varela. El río oscuro/; 2) – ¡Tuvimos hijos, pero el cariño no ha venido...! ¡Se, je!... ¡**Qué cariño ni que cuerno!** («Не любовь + высокая степень уверенности, ирония, негативное отношение к предмету речи и т.п.») /C. Laforet. La llamada/.

Во втором варианте фразеосхемы обязательный изменяемый компонент выражен одним и тем же глаголом в форме инфинитива в обеих частях предложения, например: – Bueno – me dijo –; si quiere, quédese aquí unos días para probar... – ¡**Qué probar ni qué probar!** ¡Si me quedo aquí, será para toda la vida! – dije entusiasmado («Не нужно пробовать + высокая степень уверенности, возмущение и т.д.») /R.S. Payró. El casamiento de Laucha/. По мнению ряда ученых, «сила предикативности в инфинитиве может быть настолько интенсивной, что иногда он способен заменить форму глагола-сказуемого, но со своеобразным экспрессивным оттенком» [12. С. 205]. Это в полной мере соотносится со статусом фразеосхем как единиц экспрессивного синтаксиса.

Чаще всего обязательный изменяемый компонент (имя существительное или глагол) выражен немаркированными словами в плане оценки, например: *molestar* – *беспокоить*, *suerte* – *удача*, *vez* – *везенье*, *saber* – *знать* и т.п., например: El resistió. No dijo nada pero sus párpados se volvieron cárdenos. Los otros insistieron. –

Déjelo, coronel. Él sabe de mecánica. – Es que no quiero molestarlo. – **Qué molestarlo ni qué molestarlo.** – discutió Germán. Cogió el reloj. – El alemán le arranca diez pesos y se lo deja lo mismo («Никаких хлопот нет + высокая степень уверенности, удивление, неодобрение, возмущение и т.п.») /G.G. Márquez. El Coronel no tiene quien le escriba/.

Порядок следования компонентов в составе фразеосхемы неизменен, структурная схема такого предложения максимально ограничивает его распространение, что характеризует подобную синтаксическую конструкцию как структурно целостную и устойчивую. Смысловая целостность проявляется, в том числе, в значительном ограничении лексического варьирования обязательного изменяемого компонента.

У данной фразеосхемы идиоматичными являются значения отрицания, повествовательности, экспрессивности и разговорной окраски, например: – Luego saldremos para buscar a los muchachos; mientras, que nos diga Minge dónde están las trincheras. – ¡**Qué trincheras ni que niño muerto!** En San Martín no se pensaba en tal cosa («Нет никаких окопов + высокая степень уверенности, неодобрение, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.п.») /E. Rabasa. La bola y la gran ciencia/.

Фразеосхемы с обязательным неизменяемым компонентом, выраженным вопросительным наречием, обладают только простыми опорными компонентами: *cómo*, *dónde*, *cuándo*, *cuánto* [*cuan*]. Например, ¡<Y [pero]> **Cómo <que> + V finit, inf, subj!** Данная фразеосхема может выражать следующие значения:

1) «утверждение в сочетании с высокой степенью уверенности и различными эмоционально-оценочными оттенками»: – Si todo eso es verdad, usted no puede estar aquí, tan tranquilo, silbando **¿cómo no le da cargo de conciencia?** («Вам должно быть совестно + неодобрение, порицание и т.п.») /S.K. Gamecho. La última encrucijada/;

2) «отрицание в сочетании с высокой степенью уверенности и эмоционально-оценочными оттенками»: – No se dan cuenta que esta pobre gente no tiene cultura ni educación, no pueden asumir responsabilidades, son niños. **¿Cómo van a saber** lo que les conviene? Sin mí estarían perdidos, la pueba es que cuando doy vuelta la cara, se va todo al diablo y empiezan a hacer burradas. Soy muy ignorantes. («Они не могут знать + высокая степень уверенности и т.п.») /I. Allende. La cosa de los espíritus/;

3) «высокая степень проявления чего-либо в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – Soy Amaranta – dijo ella de buen humor, feliz de su regreso y le mostró la mano con la venda negra. – Mira. El coronel Aureliano Buendía le hizo la misma sonrisa de la primera vez en que la vio con la venda, la remota mañana en que volvió a Macondo sentenciado a muerte. – ¡Que horror – dijo, – **cómo se pasa el tiempo!** («Время идет быстро + высокая степень проявления предмета речи, сожаление, огорчение, досада и т.п.») /G.G. Márquez. Cien años de soledad/;

4) «негативная оценка предмета речи в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками»: – ¡Pero por Dios bendito, **cómo viene usted!** Don Luis entortnaba los ojos irritados por el polvo, sintiendo el rastro

frio del sudor bajar hasta el codo por las mangas de la sonata. – Es que hace calor... – Viene usted hecho un santo Cristo. («Вы в плохом виде + высокая степень проявления предмета речи, удивление, неодобрение, огорчение и т.п.») /F. Fernández Santos. En la hoguera/.

Данная фразеосхема является мотивированной. Ее производящей основой выступает следующая вопросительная синтаксическая конструкция, например: – ¿Cómo no me voy a acordar sobre este accidente horrible? – Es necesario hacer algo, distraerse.; Ср.: – ¿Te acordás del rencó Ramírez? – ¡Cómo no me voy a acordar si me dejó por dentro! – le contestó Leví del mal humor! («Я хорошо его помню + высокая степень уверенности, удивление и т.д.») /C.L. Fallas. Mamita Yunai/.

В анализируемой фразеосхеме обязательным неизменяемым компонентом является слово *cómo*, которое в производящем предложении выступает в качестве вопросительного наречия и трактуется современными словарями следующим образом: «как, каким образом; как будто; около; в качестве; потому что, так как; так что; подобно» [7. С. 249], например: – ¿Cómo era que se llama? – Как же его звали?; ср.: – ¿Cómo te atreves a tardar, haciéndote de pencas, cuando toda la sal de la tierra se está derritiendo por ti, y el sol de la hermosura te aguarda? («Ты не смеешь мешать и ломать комедию + негодование, осуждение, досада и т.д.») /J. Valera. Pepita Giménez/. Значение вопросительного слова *cómo* во фразеосхеме частично деактуализировано, так как конструкция утратила значение вопросительности и трансформировалась в предложение повествовательное (восклицательное) по цели высказывания. В таких построениях «отношения между формирующими их компонентами отражают понятные носителям современного языка, но изменившиеся или устаревшие нормы» [10. С. 276]. Тем не менее слово *cómo* сохраняет этимологические связи с классом слов, на основе которого оно было сформировано.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхемы может расширяться за счет препозитивного (у или *pero*) и постпозитивного (*que*) факультативных элементов, например: – ¿Cómo que no la has visto?! («Ты не мог ее не видеть...», «Ты должен был ее видеть + высокая степень уверенности, удивление, неодобрение, возмущение, порицание и т.д.»); – Y ¿cómo voy a estar contento si eso es una trampa? ¿O creen ustedes que yo soy sonso y me chupo el dedo? («Мне нечем быть довольным + досада, неодобрение, возмущение и т.д.») /R.S. Payó. Pago Chico/.

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы имеет дефектную морфологическую парадигму. Он может быть представлен глаголом в личной форме, в форме инфинитива или в сослагательном наклонении и является лексически свободно варьируемым, например: 1) Estuve por decirle: «¿Cómo no ha de quererle, siendo vieja y fea y no teniendo a nadie que la mire a la cara?» («Ей нельзя не любить его + удивление, ирония, осуждение и т.д.») /A. Palacio Valdés. La hermana San Sulpicio/; 2) – ¡Vete a saber dónde está la verdad! ¿Y si tus ojos te engañaron? – ¡Engañarme mis ojos! ¡Está bueno! Los vi juntos, besándose. ¿Cómo negarlo? («Это нельзя отрицать + возмущение, удивление, досада, негативное отношение к предмету речи и т.п.») /S.S. Poncela. Solo

de guitarra/; 3) ¡Si yo pudiera ser Sandokán por un solo instante, cómo les echaría las tripas afuera con mi espalda! («Я с радостью проткнул бы их всех шпагой + высокая степень проявления предмета речи, негативное отношение к предмету речи и т.д.») /O. Castro. La vida simplemente/.

Синтаксические отношения между структурными компонентами фразеосхемы неактуальны, поэтому порядок их следования неизменен. Структура предложения в значительной степени ограничивает его распространение.

Фразеосхема обладает признаками воспроизводимости, устойчивости, структурно-семантической целостности и идиоматичности, а также обобщенным фразеосинтаксическим значением, разговорной стилистической маркированностью и экспрессивностью. Все это свидетельствует о том, что данная синтаксическая конструкция является самостоятельной фразеологизированной единицей языка.

В испанском языке довольно продуктивны фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным полнознаменательным словом. По частеречной принадлежности опорного компонента следует выделить несколько подгрупп: опорный компонент может быть выражен прилагательным (¡Menudo + N_1 !), наречием (Buen (-o, -a) [bien] + N_1 [V finit, subj]!), местоимением (¡Cualquier(-a) + V finit, imp. de subj!) и глаголом (¡Vaya <con> + N_1 !).

Фразеосхема ¡Entre [con, ...]! Tanto(-a, -os, -as) + N [V ind, inf]! выражает лишь одно значение – «высокой степени проявления предмета речи в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками», например: – ¡Bendito sea Dios! – exclamó, como si lo hubiera visto todo. – Tanto tartar de inculcarte las buenas costumbres, para que terminaras viviendo como un puerco («Я затратила много трудов + высокая степень проявления предмета речи, возмущение, неодобрение, негативное отношение к предмету речи») /G.G. Márquez. Cien años de soledad/.

Данная фразеосхема является мотивированной. Она сформирована на основе простого повествовательного предложения нефразеологизированного типа, например: Ella no pudo vernos entre tantas personas.; ср.: – ¡Quise venir! – ¡A buenas horas! Entre tantas, entre tantas personas... ni una, ni una sola hizo un gesto para defenderle («Много народу + высокая степень проявления предмета речи, удивление, возмущение, негативное отношение к предмету речи и т.д.») /B. Pérez Galdós. Zaragoza/.

Обязательный неизменяемый компонент в составе фразеосхемы выражен словом *tanto*, которое в системе испанского языка имеет следующие значения: «Tanto. 1. Adj. Столько, так много, такой (большой), некоторое количество, столько-то, сколько-то. 2. Adv. Столько, так много, так, столь, столько-то» [8. С. 670]. Двойственный частеречный статус опорного компонента не влияет на проявление фразеосхемой её категориальных свойств, что обусловлено аналитическим характером испанского языка. При этом значение опорного компонента в составе фразеосхемы деактуализировано лишь частично, что обуславливает наличие у него морфологической парадигмы, связанной с возможностью варь-

ирования грамматического значения рода и числа (*tanto – tanta – tantos – tantas*): 1) – Usted me parece un excelente sujeto, bien educado, de buena familia, con una renta más que regular... Nada, nada, desde hoy es usted mi candidato. – **Tanto honor**, señora... – Sí; hay que hacer entrar en razón a esta mozuela. Ella no es mala, sabe usted, pero caprichosa... Luego, ¡fue criada con tanto mimo!... («Большая честь + высокая степень проявления предмета речи, ирония и т.д.») /Miguel de Unamuno. La niebla/; 2) ¡Y qué encanto la inocencia maliciosa, la malicia inocente de Rosarito, esta nueva edición de la eterna Eva!, ¡qué encanto de chiquilla! Ella, Eugenia, me ha bajado del abstracto al concreto, pero ella me llevó al genérico, y hay tantas mujeres apetitosas, tantas... **¡tantas Eugénias!, ¡tantas Rosarios!** No, no, conmigo no juega nadie, y menos una mujer. ¡Yo soy yo! («Много Эухений, много Росарио + высокая степень проявления предмета речи, пренебрежение, неодобрение и т.д.») /Miguel de Unamuno. La niebla/.

Обязательный неизменяемый компонент может использоваться изолированно или в сочетании с различными препозитивными предлогами, что обуславливает наличие у него парадигматических свойств структурного характера: *entre [con, ...]*. Например: **¡Con tanta dificultad volvía aquí!** или **¡Entre tantos libros no hay nada interesante!** /Из разг. речи/.

Достаточно широкие для опорного компонента фразеосхемы парадигматические потенции свидетельствуют о низкой степени деактуализации его значения, а также относительно невысокой степени фразеологизации анализируемой синтаксической конструкции в целом.

Обязательный изменяемый компонент данной фразеосхемы может быть представлен именем существительным (*N_i*) или глаголом в форме инфинитива (*V inf*) и изъявительного наклонения (*V ind*), например: Úrsula lloraba en la mesa como si estuviera leyendo las cartas que nunca llegaron, en las cuales relataba José Arcadio sus hazañas y desventuras. «Y tanta casa aquí, hijo mío – sollozaba. – **¡Y tanta comida tirada a los puercos**» («Мы много еды выбрасываем свиньям + высокая степень проявления предмета речи, неодобрение, сожаление, негативное отношение к предмету речи и т.д.») /G.G. Márquez. Cien años de soledad/.

Фразеосхема обладает полным набором фразеологических признаков: воспроизводимостью, устойчивостью, структурно-семантической целостностью, идиоматичностью, экспрессивностью и разговорной стилистической маркированностью.

Третья группа фразеосхем – с опорным компонентом, выраженным союзом (например: *si, como si*) – наименее продуктивная. Это обусловлено низкими потенциями союза в аспекте различного рода структурно-семантических трансформаций. Например, **¡Si + V Pret Imp Subj!** Данная фразеосхема выражает следующие значения:

1) «целесообразности, желательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с различными эмоционально-экспрессивными оттенками»: Recordaba la borrachera como una aventura infantil, y le parecía tan divertida que se la contó a Aureliano Segundo, y a este le pareció más divertida que a

ella. “**Si tu madre lo supiera**”, le dijo, ahogándose de risa, como le decía siempre que ella le hacía una confidencia («Твоя мать не знает + сожаление, удивление, ирония и т.д.») /G.G. Márquez. Cien años de soledad/;

2) «нецелесообразности, нежелательности совершения какого-либо действия, наличия чего-либо и т.п. в сочетании с сожалением, досадой, разочарованием по поводу отсутствия предмета речи»: – **¡Si mamá lo supiera!** En fin, que el muy tunante se divirtió todo lo que quiso, y después la del humo («Мама не знает об этом + одобрение, досада, негативное отношение к предмету речи и т.д.») /B. Pérez Galdós. Fortunata y Jacinta/.

Мотивирующей основой фразеосхемы выступает придаточное предложение со значением условия в составе СПП, например: – Si le viera uté trabajá, estaría muy contento.; ср.: – **Si le viera uté trabajá**, ¡una gloria de Dios! Tiene unas mano de plata... («Вы не видели, как она работает + сожаление, одобрение, положительная оценка предмета речи и т.д.») /A. Palacio Valdés. La hermana San Sulpicio/.

Обязательный неизменяемый компонент фразеосхемы выражен словом *si*, которое в системе испанского языка выступает в качестве союза и в словаре трактуется следующим образом: «(в случае) если; раз, ли, ведь, же» [8. С. 650]. Данный опорный компонент частично десемантизирован, так как в нем частично утрачена связь с прямым значением «условности», что проявляется в отнесенности содержания фразеосхемы в целом к значению реальной модальности.

Обязательный изменяемый компонент конструкции является морфологически устойчивым (не допускает варьирования). Он может быть выражен лишь глаголом в форме претерита имперфекта сослагательного наклонения.

Данная фразеосхема в полной мере обладает признаками воспроизводимости, устойчивости, структурно-семантической целостности, идиоматичности, а также обобщенным фразеосинтаксическим значением, разговорной стилистической маркированностью и экспрессивностью.

Таким образом, в современном испанском языке функционируют несколько десятков фразеосхем, которые можно расклассифицировать по характеру частеречной принадлежности опорного компонента. Большинство этих фразеосхем являются производными. Они могут формироваться на основе различных типов предложений: простых (вопросительных и повествовательных) и сложных (придаточного условия СПП). Специфика значения вопросительности детерминирует более высокую лабильность синтаксических конструкций в деривационном аспекте. Этим же часто обусловлена и многозначность самих фразеосхем, а также энантиосемичность некоторых из них.

Обязательный неизменяемый компонент может быть простым (чаще) или составным (реже). Отдельные опорные компоненты фразеосхем могут осложняться пре- или/и постпозитивным факультативным элементом (союзом, междометием, частицей или наречием), расширяющим его структуру и способствующим интенсификации общего фразеосинтаксического значения.

Прямое значение обязательного неизменяемого компонента в составе фразеосхемы в различной степени деактуализировано, что объясняет его крайне огра-

ниченные парадигматические возможности. Несмотря на это, его внутренняя форма, как правило, воспринимается коммуникантами.

Более краткая (в отличие от русского языка) типология фразеосхем испанского языка по характеру частеречной принадлежности опорного компонента обусловлена аналитической спецификой его системной организации.

В целом следует отметить, что фразеосхемы соответствуют своему статусу единиц фразеологической подсистемы языка. Они представляют собой одно из наиболее эффективных средств разговорной речи и позволяют говорящему в полной мере реализовывать разнообразные коммуникативные интенции, что и составляет перспективу их изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меликян В.Ю. Основы теории синтаксической фразеологии (на материале русского и английского языков). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011.
2. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2.
3. Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
4. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 11.
5. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
6. Гаврилова Г.Ф. Вопросительные конструкции в их функционально-семантическом аспекте // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика : сб. науч. тр. Таганрог, 1999.
7. Calvo L.M. Diccionario espanol-ruso (80 000 palabras). Barcelona, 1985.
8. Садилов А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. М., 2001.
9. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка. Практический курс. М., 1990.
10. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
12. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1980.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2013 г.